

Один французский журнал назвал Михаила Волохова самым цитируемым автором в России. Почему? Русский Жан Жене - создатель жанра постсоветской криминальной драмы Волохов пишет матом.

Однако мат, став манком для тех, кого называют массовым зрителем, открывает Волохову не только дорогу к скандальной известности. Он, как ключ, отворяет дверь в «ненормативную действительность» мира отверженных - санитаров из морга, безработных, габэшников, изгоев-эмигрантов и преступников. В результате драматургу удачно удается балансировать на грани, отделяющей гиперреализм от чернухи, сильнодействующее лекарство - от самодельного наркотика.

Драматург Волохов. Шекспириада типа вакханалии

РОССИЯ - КАК МЕДВЕДЬ В БЕРЛОГЕ

- Миша, у ваших пьес такие завернутые сюжеты... Расскажите, о чем ваше последнее произведение?

- Ну... Пьеска такая, где два зека-людоеда едут в Париж, чтобы трахнуть английскую королеву. Один мечтает стать президентом, другой - хранителем по сейфам. Они сбежали из тюрьмы с какими-то пацанами, и их съели - у каждого осталось по голове. По дороге они друг друга трахают, а потом один другого съедает - и умирает. Потому что мясо оказалось отравленным... Вот такая смешная трагедия.

- Да, не слабо. Людоеды, насильники и гора трупов...

- Честно говоря, я возвращался сюда из Франции, полагая, что это все - плод моей творческой фантазии. Оказалось, что российская реальность похлеще, чем я мог себе вообразить.

- И долго вы отсутствовали?

- Да года три. Я жил в Париже... Как раз пока моя жена работала в России. Она французенка...

- Интересно, откуда у добропорядочного семьянина такая тяга играть с «крайними ситуациями»? Вы вообще не боитесь скатиться до того, что называется чернухой?

- Как это ни печально, я считаю, что сегодня форма гнева близка к форме сути. Я не останавливаюсь на фиксации фактов. Разрешение конфликта происходит на поэтической высоте, в катарсисе трагедии. Пьеса сама как бы уничтожает чернуху, показывая выход из маразма, который нас окружает... А маразм - он повсюду, везде. На самом деле он вполне адекватен рассуждениям Чикатило!.. Воң, смотрите - бывшие коммуны с прежней идеологией получили деньги и по-прежнему крутят свои «измы»! И Россия ворочается в них, будто медведь, с одного бока на другой...

СТРАСТЬ КАКОЙ СЮЖЕТ!..

- Для вас писательство - это непременно драматургия?

- Для меня форма театра явилась способом философской оценки происходящего. Вообще для меня прозаики, в которых я вижу истинных философов, - драматурги. Как Достоевский, к примеру. А те писатели, которые не являются в этом смысле драматургами, по-моему, просто графоманы. Они могут попасть в какую-то точку на уровне злости дня, не более того. В конфликт эпохи, в конфликт времени на библейском уровне они не проникают. Существует философия морали. Я разрабатываю эту философию с помощью драмы...

- Тогда объясните, почему философия морали разрабатывается сотрясающими мораль способами?

- Существует философская задача, которая стимулирует на создание пьесы. И я пытаюсь доказывать ее наиболее ярко. Действительно, краски, которые могут тронуть зрителя, внимающего мою философию, кажутся эпатажем... Но сами подумайте, что такое мат? Просто сильное дьяволоподобное слово. Но ведь жизнь в России и в мире настолько деформирована в сторону дьявольских моментов, что такие словеса просто необходимы для ее объяснения!.. Это клин клином, понимаете?

- Вы все-таки считаете, что сегодня эстетическое «нокаутирование» - единственный способ заставить зрителя содрогнуться?

- В данный исторический момент - да. Сегодня невозможно писать чеховские пьесы. Да и сам Чехов писал свои философские меланхолии, неизлечимо болев туберкулезом, - я очень это чувствую. Он не мог заниматься вскрытием болячек - он бы чисто физически не выдержал! А я вскрываю нарыв... С моей точки зрения, драма непременно должна скрывать зло. Это и есть самое великое диссидентство. Хотя, конечно, делать это необходимо, непременно сострадая...

- Неужели вам не пришел обличительный пафос перестроечной драматургии?

- Весь вопрос в средствах. Если в произведении нет христианского элемента, оно действительно превращается в чернуху.

- Ну тогда расскажите, откуда вы берете свои умопомрачительные сюжеты.

- Из жизни. Встретимся, водки выпьем... Ну вот история «Игры в жмурики» была мне рассказана восемь лет назад одним кагэбэшником - он мне в Алма-Ате исповедовался в своих деяниях. И, вникнув в боль этой истории, я каким-то образом в нее попал... Потом я смотрю телевизор, хожу в театры, читаю книги... К определенному моменту накапливается комплекс историй, которые потом преобразуются в сюжет.

- И вы скорей бежите к письменному столу...

- Нет, меня за столом застать очень трудно. Я не из тех, кто заставляет себя писать по странице в день... Работаю очень быстро: «Игру в жмурики» написал за две недели, «Вышку Чикатило» - за два-три дня... Внутри происходит какой-то взрыв, энергетический удар - и я пишу, не отрываясь, днем и ночью... Это похоже на сумасшествие. Пьеса - это ведь такой странный комплекс сложных, взаимопересекающихся материй... Как сама жизнь - но сжатая до кончика иглы.

КТО СЫГРАЕТ ЧИКАТИЛО?

- Похоже, вы идеальный «заказной» драматург: всучили вам договор - и готово?

- Я, конечно, могу взять заказ, сесть - и сочинить пьесу... Но у меня это всегда какой-то произвольный внутренний толчок - момент, когда ты не волен больше не писать. Когда неведомая сила бросает тебя к столу - и все... Это трудно со стороны понять. Вот, например, «Великого утешителя» (сейчас его поставил в Москве Игорь Пехович) я написал после короткой, но очень страстной истории любви с одной девушкой. Мы познакомились, когда я ездил с театром на гастроли в Страсбург. Она прилетала ко мне в Париж... Все было прекрасно - но потом я начал работать. И все. Потому что, когда ты пишешь пьесу, тебе никто не нужен...

- Так вы, оказывается, работали в театре? А я-то полагала, что передо мной классический «отказник»-семидесятильник...

- Я действительно сначала учился в Бауманском институте. Потом работал в профтехучилище - преподавал какую-то смехотворную спецтехнологию какого-то там производства... Но потом я в 79-м году написал «Компаньонку», за ней - «48° солнечной широты», которую в 1987 г. поставил Евгений Казаков, и наконец попал в театр - стал в Алма-Ате звукорежиссером. Я долго там работал - ходил на репетиции, общался с актерами...

- И вывели для себя формулу театрального успеха...

- Я понял, что актерам надо давать играть. Если пишешь не для актера, постановка обречена... Это, естественно, при условии, что сама пьеса интересна по построению - спорит с прежней мировой драматургией, ставит крутые философские проблемы...

- Почему же вы при такой любви к вечному тяготете к конъюнктурным темам?

- Ну почему конъюнктурным? Мою «Игру в жмурики» знаменитый французский режиссер Собель (а он обычно работает только с «мертвой классикой») ставил, как Гамлета... Это не значит, что я хочу умалять достоинства Житинкина, поставившего «Игру» здесь: он вытащил философию пьесы через реальный, стебовой ситуативизм российской жизни... Но... Собель ставил философию - для него эта пьеса была, что называется, про «быть или не быть» роду человеческому!.. Вот, смотрите - Гамлет задает вопрос: мириться ли со злом - ведь, уничтожая его, мы сами становимся преступниками!.. Моя «Игра» строится на той же проблематике: Феликс восстает против зла, но тем самым провоцирует на убийство Аркадия. Какая же тут конъюнктура?

- А габэшники в морге, проститутка в эмиграции, людоеды, Чикатило...

- Мне просто наиболее интересно писать пьесы с трагедийным ощущением жизни. А когда герои - падшие люди, то они ближе к истине, к Богу. Потому что больше всего страдают... Вот как возник «Чикатило»? Я в 1995 году посмотрел по телевизору передачу, где рассказывали, что он, оказывается, был преподавателем в ПТУ. Как я когда-то... И я вдруг прозрел его истинную природу. Я увидел, что передо мной - абсолютно нормальный человек, который совершал свои преступления в здравом сознании. И страдал... Понимаете?

- Напоследок скажите, как вы относитесь к нашим «классическим» режиссерам?

- Ну что вам сказать?.. По-моему, наши мастодонты, как Марк Захаров или Олег Ефремов, пытаются скрыть свою духовную беспомощность под русской классикой и западным «бульваром». Но даже это им не удается. Я уверен, что, если бы к власти пришел Зюганов, они бы наверняка бросились обратно за Шатовым... От Шекспира они, как тогда, так и сейчас, далеки. Соответственно и от меня - поскольку что такое мои пьесы? Современная шекспириада!.. (Улыбается). Если серьезно, я был бы удовлетворен ходом театрального процесса, когда бы Марк Захаров согласился сыграть главную роль в моей «Вышке Чикатило», а Олег Ефремов его бы отрежиссировал. Хотя в какой-то степени произошел бы покаянный оргазм деятелей, разващавших нас дешевыми балаганами под пленумы ЦК!..

На снимке: Михаил Волохов (справа) и Эжен Ионеско, высоко отзывавшийся о волоховском творчестве.

Мария ВАРДЕНГА